

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

ТОЛЬКО СИЛЬНОМУ
ПРОЩАЮТ СЛАБОСТИ

**ЖРЕБИЙ
РУБИКОНА**

Чингиз Акифович Абдуллаев

Жребий Рубикона

Серия «Дронго», книга 106

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6059764

Абдуллаев Ч. А. Жребий Рубикона : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65448-2

Аннотация

В Москве в расцвете сил умирает академик Николай Долгоносов, директор одного из крупнейших научно-исследовательских институтов. Врачи констатируют обширный инфаркт, но сестра покойного Раиса не верит заключению врачей. Она считает, что брата убили из-за наследства, и убийца – Далвида, молодая жена академика. Раиса обращается за помощью к известному частному сыщику Дронго. Тот берется за расследование, понимая, что врачи, скорее всего, правы и смерть академика никоим образом не связана с криминалом. Но вскоре его отношение к делу меняется – при загадочных обстоятельствах погибает близкий знакомый Долгоносова, и профессиональное чутье подсказывает Дронго, что это не простое совпадение...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Жребий Рубикона

Задуйте вашу совесть – это самый большой враг любого, кто хочет быстро добиться успеха в жизни.

Оноре Мирабо

Когда он приблизился к реке под названием Рубикон, которая отделяет Предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение...

Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий», – и двинулся к переходу.

Плутарх, «Избранные жизнеописания. Цезарь»

Глава 1

Они продолжали играть в шахматы. И как обычно, Эдгар Вейдеманис его побеждал. Дронго сопротивлялся изо всех

сил, но давление белых было слишком явным, и стало понятно, что черные не смогут долго держаться.

– Потрясающая способность играть до конца, – сказал Вейдеманис, – ты никогда не сдаешься, даже когда результат очевиден.

– Пытаюсь держаться, – согласился Дронго, – ты все-таки не гроссмейстер и можешь ошибиться.

– Уже нет, – возразил Эдгар, – здесь все понятно. Я постараюсь тебя дожать. Мне нравится, когда я тебя обыгрываю. С твоим аналитическим мышлением. Я сам удивляюсь своим победам.

– Мое мышление годится для распутывания сложных криминальных задач, и оно отличается от аналитических способностей шахматиста, – задумчиво произнес Дронго. – Иначе самыми великими сыщиками были бы Фишер или Каспаров.

– Возможно, – согласился Вейдеманис, – тебе шах, и ты можешь сделать единственный ход, чтобы спасти своего короля. А через три хода получишь гарантированный мат.

Дронго минуту анализировал позицию. Затем в знак согласия кивнул.

– Дожал, – сказал он, – победил. Признаю свое поражение.

– Уже неплохо, – пробормотал Эдгар, – обычно ты играешь до последнего хода.

Они поднялись и прошли на кухню. Вейдеманис приготовил себе кофе, Дронго налил себе чай. Они сидели на

небольшой кухне у Эдгара, где обычно устраивали своеобразные посиделки с обмeнами мнений по конкретным вопросам. Оба были высокого роста. Лысоватый брюнет Дронго и шатен Вейдеманис с роскошной копной волос были совсем не похожи друг на друга. Но у обоих было нечто схожее – внимательные, умные глаза всепонимающих и мыслящих людей. Выражение глаз, которое невозможно изменить или подделать. Только у Дронго были глаза волка, а у Вейдеманиса – рыси.

– Нам уже два раза звонил Леонид Кружков, – напомнил Эдгар.

Их небольшой офис находился на проспекте Мира, где обычно работали Леонид Кружков и его супруга, которые принимали посетителей, отправляли нужные факсы и документы, читали приходившие письма. Иногда там появлялся Эдгар Вейдеманис, еще реже и сам Дронго.

– Опять звонила эта дама, – догадался Дронго.

– Да, – кивнул Эдгар, – Раиса Тихоновна Долгоносова. Просит о встрече. Настаивает, говорит, что у нее очень важное дело.

– Она звонила две недели назад, когда я улетал в Хельсинки, – вспомнил Дронго.

– И тогда просила о срочной встрече. И сейчас два дня подряд звонит и просит встречи с тобой.

– Видимо, дело не очень срочное, если она звонила две недели назад и за это время не нашла никого, с кем можно

было переговорить.

– А может, она не хочет обращаться к другим людям, – заметил Вейдеманис, – и ей нужен именно ты.

– Ты становишься подхалимом. Мог бы иногда и поддаваться в шахматы, чтобы быть более органичным, – пошутил Дронго.

– И тем не менее она хочет встретиться именно с тобой, – напомнил Эдгар. – Или ты не хочешь с ней встречаться?

– Раз она так настойчиво звонит, значит, у нее действительно важное дело, – вздохнул Дронго. – Ладно, давай ей позвоним и назначим встречу. Только пусть она приедет к тебе домой. А то моя квартира уже постепенно превращается в проходной двор.

– У тебя две одинаковые квартиры в Москве и в Баку, – рассмеялся Вейдеманис, – и каждый раз, когда я попадаю в какую-нибудь из них, я чувствую, что схожу с ума, настолько они похожи. Но я отлично понимаю, что ты сделал это намеренно. Но ты прав. Необязательно принимать всех гостей у себя дома. Я перезвоню Кружкову, пусть Долгоносова мне позвонит. Постараюсь понять, какое у нее важное дело.

Он достал телефон и стал звонить Кружкову, чтобы он дал номер его мобильного Раисе Тихоновне и она перезвонила на его телефон. Подключил к мобильнику провод с наушниками, чтобы Дронго мог слышать их разговор.

Ждать пришлось недолго. Она перезвонила ровно через минуту.

– Я вас слушаю, – сказал Вейдеманис, отвечая на ее звонок.

– Вас беспокоит Раиса Тихоновна Долгоносова, – услышал он взволнованный голос женщины, – мне срочно нужен господин Дронго. Если вы разрешите так вас называть.

– Я не Дронго, – ответил Эдгар, – я всего лишь его помощник. Я могу узнать, какое у вас к нему дело?

– Очень важное и срочное, – пояснила женщина, – мне нужен именно такой человек.

– Вы можете объяснить – почему?

– Полагаю, что смогу. Дело в том, что я сестра недавно умершего академика Николая Тихоновича Долгоносова. И мне нужно срочно встретиться с господином экспертом.

– По какому вопросу?

– По вопросу смерти моего брата, – объявила Раиса Тихоновна.

– Что с ним случилось?

– Он умер. Все так считают. Но я абсолютно уверена, что его убили. И именно по этому поводу хотела встретиться с господином Дронго.

– Вы говорили об этом в прокуратуре?

– Да. Но там не хотят меня слушать. Я всего лишь его сестра, а не супруга, которая категорически настаивает на его естественной смерти.

Вейдеманис взглянул на Дронго. Тот кивнул.

– Хорошо, – сказал Эдгар, – когда вы можете приехать?

– Когда угодно. Хоть сейчас.

– Тогда запишите мой адрес. Я живу на Чистопрудном бульваре, – объяснил Вейдеманис и продиктовал адрес. – Господин эксперт может принять вас у меня в квартире.

– Это удобно?

– Думаю, что да.

– Могу приехать через полчаса. Вас устроит?

Вейдеманис снова посмотрел на Дронго. И тот опять кивнул.

– Устроит, – подтвердил Эдгар. – Когда подъедете, позвоните, и я продиктую вам номер шифра для замка в подъезде.

Он отключил связь. Взглянул на Дронго, ожидая его объяснений.

– Судя по голосу, ей лет шестьдесят, – сказал Дронго, – говорит четко, чувствуются интеллект, высшее образование, умение концентрироваться и мыслить. Видимо, дело очень неприятное и крайне важное для нее, если она столько времени пытается выйти именно на меня. И судя по тому, что она доберется до нас за тридцать минут, она живет где-то рядом. Иначе с учетом московских пробок она добиралась бы к нам несколько часов. Давай посмотрим в Интернете, что у нас есть по этому академику Долгоносову.

Вейдеманис принес свой ноутбук и начал поиски сведений об умершем ученом. И уже через несколько минут они знали, что Николай Тихонович Долгоносов работал директором московского института, занимающегося проблемами

технических разработок для гидростанций. Он умер четыре месяца назад в возрасте пятидесяти шести лет. В биографии отмечалось, что умер скоропостижно, от обширного инфаркта. Отмечалось, что он был спортсменом, в молодости занимался легкой атлетикой, альпинизмом. Дважды совершал восхождение на Эльбрус. Сестра назвала его академиком, но он был членом-корреспондентом Российской академии наук и после отставки академика Старжинского последние шесть лет возглавлял институт. Сам Старжинский, выйдя на пенсию, в возрасте восьмидесяти трех лет остался работать в учреждении консультантом Долгоносова. Он был два раза женат и имел дочь, которой исполнилось двадцать восемь лет. Она жила в Лондоне еще со студенческой поры. Осталась там и вышла замуж за гражданина Великобритании.

– Ничего особенного, – разочарованно произнес Вейдеманис, дочитав вместе с Дронго информацию об умершем директоре. – Может, институт был какой-то засекреченный?

– Не похоже, – сказал Дронго, – обычное оборудование для гидростанций. Обрати внимание, что ушедший на пенсию Старжинский, несмотря на свой преклонный возраст, остался работать в институте консультантом. Значит, у Долгоносова не конфликтный, коммуникабельный характер.

– Похоже, – согласился Эдгар, – и возможно, его сестре не понравилась внезапная смерть брата от обширного инфаркта. У спортсменов такое иногда случается. Особенно после

пятидесяти. Они продолжают считать себя молодыми живчиками и надрываются. Может, он по-прежнему пытался заниматься спортом, своим альпинизмом или еще чем-нибудь и поэтому умер.

– Два раза женат, – напомнил Дронго, – интересно, когда он женился во второй раз?

– Думаешь, его довела молодая супруга? – рассмеялся Эдгар.

– Пока ничего не думаю. Но интересно узнать, когда он женился во второй раз. И вообще, зачем нас так настойчиво ищет его сестра?

Минут через двадцать позвонила Раиса Тихоновна, и еще через две минуты она уже звонила в дверь квартиры Вейдеманиса. Вошедшей женщине было действительно около шестидесяти. Тщательно уложенные волосы, неплохой макияж, было очевидно, что она следила за своей внешностью. Хороший маникюр, элегантное серое платье, несколько кокетливый шарф, правильные черты лица, большие карие глаза. Дронго вежливо поздоровался. Он не любил протягивать руку женщинам, убежденный в том, что руки знакомым дамам нужно целовать при встрече, а не пожимать в дружеских рукопожатиях.

– Меня обычно называют Дронго, – сказал он женщине.

– Я знаю, – кивнула она, – мне вас описывали.

Раиса Тихоновна прошла в небольшую гостиную и устроилась за столом. Напротив сели Дронго и Вейдеманис.

– Это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, – представил хозяина квартиры Дронго, – у меня не бывает от него секретов. И в его присутствии вы можете все говорить.

– Примерно как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, – улыбнулась женщина, – не удивляйтесь. Я филолог по образованию, работаю в педагогическом вузе, заведующая кафедрой. Специалист по английской литературе.

– Очень приятно, – отозвался Дронго. – Очевидно, вас привело сюда какое-то конкретное событие?

– Конечно. И я рассчитываю на вашу помощь.

– Что именно произошло?

– У меня убили брата, – пояснила Раиса Тихоновна, – и я убеждена, что его именно убили. Хотя в прокуратуре считают, что он умер от обычного инфаркта. Но я прекрасно знаю, что мой брат никогда не болел, был очень крепким человеком и не жаловался на сердце. В молодости занимался легкой атлетикой, был почти профессиональным альпинистом.

– Иногда умирают и крепкие люди, – сказал Дронго, – к сожалению, такой конец неизбежен для каждого из живущих. Я понимаю, что этими словами не смогу утешить вас, но почему вы считаете, что его убили? Только потому, что он был спортсменом и не мог неожиданно умереть?

– Не только поэтому, – призналась она.

– Тогда почему? Только сначала ответьте мне на самый главный вопрос. Вскрытие тела проводилось?

– Нет. Конечно, нет. И поэтому я так возмущаюсь.

– Тогда давайте по порядку. Что с ним случилось? И почему вы считаете, что его убили?

– Он был физически очень крепким человеком, – повторила она.

– Простите. Это вы уже говорили...

– Да, разумеется. Дело в том... – Она замялась, словно не решаясь дальше говорить. Помедлила. И с некоторым усилием произнесла: – Дело в том, что мой брат был женат во второй раз. На молодой особе, которая моложе его больше чем на двадцать лет. У них разница с его дочерью всего лишь пять или шесть лет. Он развелся со своей супругой еще десять лет назад и два года назад женился на этой особе.

– Которая вам сразу не понравилась, – предположил Дронго.

– Которая мне не понравилась тогда и которая мне не нравится теперь еще больше, – призналась Раиса Тихоновна.

– Мужчины в его возрасте часто предпочитают молодых женщин. Это нормально.

– Она самая настоящая авантюристка, – с возмущением произнесла гостья, – можете себе представить, что на момент их знакомства она была замужем. Муж ее работал в этом институте. Обычный кандидат наук. Они жили в трехкомнатной хрущевке вместе с маленьким сыном. И можете себе представить, что уже через год после знакомства этой особы с моим братом она переезжает жить к нему, в его пятикомнатную квартиру, и забирает туда своего сына. Пока она еще

была замужем за другим человеком и формально оставалась его супругой. И только через некоторое время, после того, как она официально развелась, мой брат узаконил их отношения и даже усыновил ее мальчика. Вот такая неприятная история.

– Я не обижу вас, если скажу, что пока не вижу ничего неприятного? Таких случаев сколько угодно. И ответственные мужчины обычно не бросают детей своих жен от предыдущих браков, – возразил Дронго.

– Вы, видимо, меня не поняли. Она не просто ушла от мужа-неудачника, – сказала Раиса Тихоновна, – она ушла из трехкомнатной хрущевки к другому мужчине. Директору института, у которого большая квартира и финансовые возможности. Из рейсовых автобусов и метро она пересела в его персональную машину с водителем, который и сейчас обслуживает их семью. Она перевела сына из обычной школы, находившейся в пригороде, где они жили, в элитную московскую школу, за которую тоже платил мой брат. Нужно было видеть, как она изменилась. Об этом говорили все в их институте. Дорвалась до денег. Она работала обычным методистом с зарплатой уборщицы; когда получила статус супруги без пяти минут академика – вообще бросила работу. Я понимаю, что кажусь несколько странной, возможно, даже не совсем корректной, но это правда, и мне особенно обидно за мою племянницу, его единственную дочь Алену.

– Почему? – спросил Вейдеманис.

– Когда умер мой брат, выяснилось, что по нашим российским законам все имущество, квартира, дача, две машины, деньги в банках принадлежат его супруге, – быстро пояснила Раиса Тихоновна, – причем все его наследство делится абсолютно недопустимым образом. Половина имущества сразу отходит супруге. А оставшаяся половина делится между ней и ее несовершеннолетним сыном, которого усыновил мой несчастный брат. Моя племянница могла бы претендовать в лучшем случае на одну треть половины наследства своего отца, если бы была несовершеннолетней. Юристы, к которым она обратилась, считают, что она может вообще ничего не получить. Вот такие издевательские законы.

– Такие законы во многих странах мира, – возразил Дронго. – А вы считаете это несправедливым?

– Конечно. Абсолютно несправедливым. Она прожила с Колей только два года. И за это время стала не только его основной наследницей, но и вынудила его усыновить своего сына при живом отце.

– Я понимаю ваше возмущение, но это был выбор вашего брата.

– Да, разумеется. И я бы не стала так возмущаться. Но слишком вызывающе вела себя его новая супруга. Через несколько дней после его смерти она демонстративно улетела отдыхать куда-то в Европу. Согласитесь, что нужно было хотя бы немного подождать для приличия. Нас это всех очень покорибило.

– Все, что вы сказали, возможно, недопустимо с моральной точки зрения, – признался Дронго, – но я не увидел здесь ничего криминального.

– Сейчас поймете, – убежденно произнесла Раиса Тихоновна. – Дело в том, что у меня есть конкретные доказательства. Это была не обычная смерть. Она убила моего брата, чтобы получить наследство и его имущество. А сейчас снова готова сойтись со своим бывшим мужем. Это была настоящая западня для моего несчастного брата, в которую его сознательно заманили только для того, чтобы завладеть его имуществом. Вы можете себе представить, что я обратилась в прокуратуру и мне объяснили, что я не являюсь его самым близким родственником? Оказывается, сначала идут мужья и жены, потом дети, потом родители, затем внуки и внучки, дедушки и бабушки. И только потом братья и сестры. Наследники четвертой очереди. Такая вопиющая несправедливость.

– Почему не производилось вскрытие тела, если он так неожиданно умер?

– Об этом я и говорю. Ее сестра работает заместителем главного врача поликлиники, откуда приехали врачи. И выдали справку, что это была смерть от обширного инфаркта. Я уверена, что это поддельная справка. Мне стоило очень больших трудов узнать, что старшая сестра супруги, или, вернее, вдовы моего брата, работает в той же поликлинике, где выдали эту справку.

Дронго и Вейдеманис переглянулись. Оба подумали об одном и том же. Интеллигентная женщина, профессор, заведующая кафедрой, не могла и не хотела примириться даже не с неожиданной смертью брата, а с тем, что его наследство достается его второй молодой супруге, которая, по мнению сестры, была явно недостойна подобного подарка судьбы.

– Со справкой понятно, – сказал Дронго, – но почему вы так уверены, что его именно убили?

– У меня есть доказательства, – призналась Раиса Тихоновна, – и именно поэтому я искала вас, чтобы обо всем рассказать.

Глава 2

Нужно было услышать эти слова, почувствовать внутреннее ожесточение женщины, чтобы понять, как именно ей дался визит к эксперту.

– Я вас внимательно слушаю, – отозвался Дронго.

– Именно поэтому я к вам пришла, – взволнованно произнесла гостя, – иначе я бы не стала настаивать, если бы мои подозрения постепенно не переросли в уверенность. Дело даже не в том, что молодая супруга моего брата получила его наследство. В конце концов, это действительно был его самостоятельный выбор. Возможно, она ему действительно нравилась. И усыновить ее сына он тоже решил сам, хотя понятно, что не без воздействия со стороны своей жены. Но сейчас дело не в этом. Кажется, древнеримские юристы говорили, что в каждом деле нужно искать, кому было выгодно это преступление. И именно поэтому я с полным основанием могу утверждать, что выгоду от смерти моего брата получила именно его супруга.

– Это я уже понял. Но вы говорили, что у вас есть доказательства, – терпеливо напомнил Дронго.

– Есть, – уверенно кивнула Раиса Тихоновна. – Дело в том, что мой брат неожиданно почувствовал себя плохо в кабинете, примерно в пять часов вечера. И уже через несколько минут, когда приехала «Скорая помощь», он был без созна-

ния. Все случилось внезапно. При этом утром, именно в тот день, мы с ним разговаривали. Не скрою, он был в плохом настроении, сказал, что у него появились проблемы на работе. Но твердо обещал вечером заехать ко мне домой. А в половине шестого его уже не стало.

– Но вы говорили об убийстве, – снова напомнил Дронго.

– Да. Именно убийство. Дело в том, что я разговаривала с его секретарем. Офелия Никагосян. Молодая женщина, которая работала с моим братом последние полтора года. И она с абсолютной уверенностью вспомнила, что последним, кто заходил в кабинет моего брата, была его молодая супруга. Теперь вы понимаете? Она ушла, и буквально через несколько минут он почувствовал себя плохо и потерял сознание.

– Возможно, они поссорились и ему стало плохо, – предположил Вейдеманис.

– Нет, – убежденно ответила Раиса Тихоновна, – он даже вышел из своего кабинета и проводил супругу до лифта. А потом вернулся к себе в кабинет. А через несколько минут позвонил Офелии, сообщил, что чувствует себя плохо, и попросил принести ему валидол. Когда она через минуту внесла лекарство, он уже лежал на полу.

– И только на этом основании вы считаете, что произошло убийство? – спросил Дронго.

– Я в этом убеждена. – Раиса Тихоновна поправила прическу, достала носовой платок. Но подумав, положила его обратно в сумочку. Дронго обратил внимание на ее сумочку.

Она была от известной французской фирмы.

– Вы замужем? – неожиданно спросил он.

Женщина удивленно взглянула на него.

– Какое это имеет отношение к убийству моего брата? – изумленно спросила Раиса Тихоновна. – Или вы считаете, что у меня есть какие-то комплексы по отношению к семейным ценностям?

– Нет, я обратил внимание на вашу сумочку, – пояснил Дронго. – Такие сумки стоят около двух тысяч долларов. На руках у вас изящные часики с мелкими бриллиантами, которые стоят не меньше десяти. А когда вы доставали носовой платок из сумочки, там мелькнула синяя крышка известного крема, который в самой Англии стоит не меньше пятидесяти фунтов. Такие покупки позволяют себе не самые бедные женщины.

– А разве я пришла к вам поплакаться о своем финансовом положении? Или вы считаете, что я не хотела отдавать наследство моего брата его второй супруге именно потому, что нуждалась в его деньгах? – Было заметно, как она нервничает. У нее даже покраснели щеки.

– Успокойтесь, – посоветовал Дронго, – именно поэтому я и уточнил. Вы состоятельная женщина, которая не смогла бы обеспечить себе подобную жизнь зарплатой даже профессора и доктора филологических наук. У вас на пальце обручальное кольцо. Оно выглядит скромно. А вот другое кольцо очень дорогое. Это «Де Бирс», если я не ошибаюсь...

– Не ошибаетесь. – Она улыбнулась, впервые за время разговора.

– И судя по всему, это подарок вашего супруга, – предположил Дронго.

– Да. На нашу серебряную свадьбу. Он тогда подарил мне это кольцо, – сообщила Раиса Тихоновна.

– Прекрасно. Это то, что мне нужно было услышать. Обычно в подобных случаях недовольные родственники подают в суд и не признают прав наследников именно в силу своих личных претензий на имущество своего родственника. Но у вас нет личных мотивов, и я понимаю, как вы переживаете из-за смерти своего брата.

– Конечно, нет. Я не претендую ни на одну копейку его денег. Хотя в его прежней квартире были картины, купленные еще нашим отцом. Но бог с ними. Самое неприятное, если они достанутся человеку, возможно, причастному к смерти моего брата. Мне даже страшно подумать об этом. Что касается моего имущественного положения, то вы, разумеется, правы. На мою зарплату доктора наук можно покупать только пустую пудреницу от этих фирм и никак не такую сумочку. Дело в том, что мой супруг работает вице-президентом крупной компании и владеет пакетом акций некоторых других компаний. Конечно, мы не нуждаемся в деньгах моего брата. Но мною движет чувство справедливости. И еще самое главное: я любила своего брата.

– Почему не настояли на вскрытии?

– В тот момент было просто неудобно. Я же вам объяснила, что все произошло быстро. И похороны состоялись через два дня. А сестра его супруги работает в поликлинике, где выдавали справку о смерти. Разве вы не знаете, что многие родственники умерших не хотят, чтобы потрошили тела их близких? Я тогда и подумать не могла о чем-то криминальном. Но когда я встретилась с Офелией и узнала, что последним визитером у моего брата была его жена, я начала подозревать эту особу в злом умысле. И не забывайте, как неприлично она поступила, почти сразу уехав гулять куда-то в Европу. Такая безутешная и веселая вдова, – с раздражением добавила Раиса Тихоновна.

– Когда есть подозрения, нужно обращаться в прокуратуру и требовать эксгумации тела, – пояснил Дронго, – экспертиза может все точно выяснить.

– Не может, – печально произнесла гостья, – в том то все и дело, что не может. Супруга моего брата кремировала его тело. Якобы он сам просил ее об этом, хотя я никогда не слышала подобных глупостей. И сейчас нет никаких доказательств его убийства. Кстати, это тоже навело меня на очень нехорошие мысли... – Она помолчала и неожиданно сказала: – Я прекрасно понимаю, что выгляжу несколько нелепо. Такая экзальтированная дамочка, которая упрекает молодую родственницу в убийстве своего брата. Не скрою, мне она не нравилась с самого начала. Интересно, что он усыновил ее сына от первого брака, а она даже не подумала удочерить его

родную дочь. Хотя понятно, что она и не могла претендовать на подобное материнство. У них всего несколько лет разницы. Мой брат любил молодых и красивых женщин, тем более таких ярких блондинок европейского типа. Она ведь литовка по отцу и караимка по матери.

– Как ее зовут?

– Далвида Моркунас. Сейчас соответственно Далвида Долгоносова. Можете себе представить, что ее супруг до сих пор работает в том самом институте. Калестинас Моркунас. Я все время думаю о том, как они встречались с моим братом и о чем могли разговаривать. Мне тяжело об этом вспоминать.

– А Моркунас не был в тот день на приеме у вашего брата? – спросил Эдгар.

– Да. Он заходил к нему вместе со своим научным руководителем. Я об этом тоже подумала и навела справки. У них в институте пропускная система, и никто не может войти и выйти просто так. Калестинас был весь день в институте, но находился в лаборатории со всеми сотрудниками.

– Иногда убийцы сознательно готовят себе алиби, чтобы избежать подозрений, – пояснил Дронго, – но это можно проверить. Кто сейчас работает директором института?

– Ростом Нугзарович Окрошидзе, – ответила гостя, – очень перспективный и знающий профессор, доктор наук. Он был заместителем директора и сейчас исполняет его обязанности. Относительно молодой, ему только недавно испол-

нилось сорок лет. Не женат, развелся несколько лет назад, прекрасно воспитанный, умница, эрудит. Работал несколько лет в Германии. Хорошо знает немецкий и английский.

– Он сидит в кабинете вашего брата?

– Не знаю. Наверно. Он был заместителем по науке. Может быть, я не уточняла. Там есть еще другой заместитель, по хозяйственным вопросам. Вилен Захарович Балакин. Он еще более молод. Лет тридцать пять, не больше. Мой брат считал его своим воспитанником. Балакин не ученый, он раньше работал помощником директора института. А потом мой брат специально для него ввел должность заместителя директора по хозяйственным вопросам. Балакин изумительный человек. Добрый, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь. Там вообще прекрасный коллектив. Они все были на похоронах моего брата. Нужно было видеть, как переживали сотрудницы института, как они плакали. Николая Тихоновича любили все. Его нельзя было не любить.

– Окрошидзе был на похоронах?

– И даже выступал. Там был такой запоминающийся митинг. Можете не поверить, но на похороны пришел и Калестинас, первый супруг Далвиды.

– Он подходил к своей бывшей жене?

– Не помню. Не знаю. Кажется, нет. Я была в таком состоянии. Все время плакала. Мне казалось, что мой младший брат будет жить вечно. Наш отец жил до восьмидесяти лет. Мама тоже умерла, когда ей было восемьдесят два. Я нико-

гда не могла даже представить себе, что буду на его похоро-
нах. – Женщина тяжело вздохнула. – Я только помню, что
меня поддерживали его дочь и секретарь. Такая отзывчивая
молодая женщина.

– Как долго она работала с Николаем Тихоновичем?

– Офелия работала с ним уже полтора года.

– Сколько ей лет?

– Тридцать или тридцать пять. Где-то в этом районе.

– И где она работала раньше?

– Не знаю. Не интересовалась. Но последние полтора года
трудилась с моим братом, это я знаю точно.

– Красивая женщина?

– Довольно эффектная, – кивнула Раиса Тихоновна, –
признаюсь, что ваши вопросы меня несколько смущают. Ка-
кое это имеет отношение к смерти моего брата?

– Самое прямое. Он любил окружать себя молодыми и
красивыми женщинами?

– Как и всякий мужчина. Он был относительно молод, хо-
рошо одевался, был по-спортивному подтянут. Никогда не
курил, не злоупотреблял спиртным. Производил впечатле-
ние на женщин. Мне всегда казалось, что Ростом Нугзаров-
вич подсознательно старается подражать стилю моего брата.
Тоже носит галстуки и платочек в нагрудном кармане. То-
же любит дорогие парфюмы и галстуки ручной работы. Да-
же купил квартиру в новом доме, недалеко от дома Нико-
лая Тихоновича. Конечно, у него не такой дорогой дом и нет

охранника. И жил он на одиннадцатом этаже. Но все равно было понятно, что он изо всех сил пытается походить на моего брата. В общем, «с кем поведешься». Они с Балакиным смотрели в рот Николаю.

– И Офелию взял на работу Николай Тихонович?

– Конечно. Я не совсем понимаю смысла ваших вопросов.

– Секретарь могла приревновать его к молодой супруге?

– Нет. Не думаю. Мой брат при всем своем демократизме очень умело держал дистанцию между собой и остальными людьми. Он никогда в жизни не стал бы встречаться со своим секретарем. Это просто невозможно. До такой низости он бы никогда не опустился. Он слишком уважал себя. Не забывайте, что Николай был директором института и членом-корреспондентом Академии наук. Между прочим, на предстоящих выборах в Академию он являлся самым реальным кандидатом в академики и почти наверняка прошел бы, если бы не случилось это несчастье.

– Там были и другие претенденты? Я имею в виду, в самом институте?

– Думаете, его убили из-за выборов в академики? – саркастически спросила Раиса Тихоновна.

– Нет, не думаю. Просто хочу знать, имелись ли конкуренты в самом институте?

– Вряд ли. Он был единственный членом-корреспондентом в их институте. Вы беретесь мне помочь?

Дронго взглянул на Вейдеманиса, словно спрашивая его

совета. Тот молчал, предоставив право выбора своему другу и напарнику.

– Вы можете не беспокоиться, – прервала затянувшееся молчание Раиса Тихоновна, – если дело касается оплаты гонорара за вашу работу...

– Меня этот вопрос беспокоит меньше всего, – ответил Дронго, – дело в том, что вы должны себе ясно представлять наши будущие отношения. Я не гарантирую никаких результатов своих поисков. Возможно, ваш брат действительно умер от обширного инфаркта. Возможно, его молодая супруга не имеет никакого отношения к смерти Николая Тихоновича. И наконец, возможно, что вы правы, и его смерть была не естественной. Но и в этом случае вполне вероятно, что я могу потерпеть фиаско и не доказать вину конкретного лица, решившего совершить преступление. Вы меня понимаете? Я бы хотел, чтобы в этом вопросе у вас не было никаких иллюзий.

– Понимаю. Вы не даете гарантий. Я с этим согласна. Но я должна хотя бы знать причины смерти моего брата.

Дронго снова взглянул на Вейдеманиса. И тот снова промолчал, чувствуя на себе этот взгляд.

– Хорошо, – согласился Дронго, – я постараюсь хотя бы попытаться узнать, от чего именно умер ваш брат. Если это вас устраивает. А уже потом мы начнем поиски возможных преступников, если они, конечно, появятся.

– Спасибо. Это все, что мне нужно. Что касается гонора-

ра...

– Это вы обсудите завтра с господином Кружковым, – перебил женщину Дронго. – Это не самое важное в наших отношениях.

– Да, конечно, конечно. Я все понимаю. Извините.

Она поднялась. Мужчины поднялись одновременно.

– Вот моя визитная карточка, – протянула свою карточку Раиса Тихоновна, – можете звонить в любое время. Там указан и мой мобильный телефон.

– Спасибо, – Дронго проводил ее до двери. Пожал руку на прощание. Когда она ушла, вернулся в гостиную.

– Идем на кухню, – предложил Вейдеманис, – я заварю свежий чай.

На кухне было тепло и уютно.

– Что ты думаешь об этом? – спросил Эдгар.

– Пока не знаю. Но согласись, что все странно. При такой хорошей наследственности – ведь его родители умерли, когда им было за восемьдесят, – он внезапно умирает. А еще он спортсмен и альпинист. Ты ведь прекрасно знаешь, что я люблю читать исторические энциклопедии. И я обратил внимание на невероятную закономерность. Члены одной семьи – дед, отец и сын или родные братья, как правило, умирают примерно в одном и том же возрасте. Фантастическая предопределенность и закономерность. Например, отец Ленина – Илья Николаевич Ульянов – умер в пятьдесят пять лет, а его сын – в пятьдесят четыре. Хотя его мать жила боль-

ше восьмидесяти, а некоторые дети дожили до семидесяти. Обмануть судьбу практически невозможно, если ее, конечно, не сломать или насильственно изменить. Иногда начинаешь верить в некий рок, предопределенность, записанную еще до твоего рождения. Поэтому я подумал, что нужно хотя бы проверить – почему он умер. Это во-первых. Во-вторых, мне интересны отношения в этом институте, когда первый и второй муж работали вместе, причем первый в подчинении у второго, и это их не особенно смущало. Ты знаешь много таких случаев?

– Только поэтому?

– Ну и, наконец, интуиция. Не знаю почему, но мне кажется, что я должен проверить это дело, чтобы убедиться в естественной смерти Николая Тихоновича Долгоносова.

– Ты думаешь, что эксперты смогут что-то установить по кучке оставшегося от него пепла? Это практически невозможно.

– Не думаю. Но я постараюсь убедить нового директора пустить меня в кабинет умершего. Нужно попросить, чтобы Раиса Тихоновна позвонила Офелии и предупредила о нашем визите. Конечно, нужно осмотреть кабинет погибшего. Не говоря уже о том, что нужно попытаться исследовать одежду умершего. Если ее еще не выбросили или не отдали в чистку.

– Пойдешь к вдове?

– Обязательно. Я думаю, что ей тоже будет спокойнее.

Иначе слухи о его неестественной смерти будут все время ее нервировать. Если она, конечно, не виновна.

– А если виновна? Ты не подумал, что наша гостья может оказаться права и вдова действительно отравила своего мужа, чтобы завладеть его состоянием? В нашей практике такие случаи иногда встречались.

– Если вдова не полная дура, то она должна понимать, что первой подозреваемой будет именно она. Судя по тому, как она успешно поменяла первого мужа на второго и вынудила второго мужа довольно быстро усыновить ее сына, она совсем не глупа. Возможно, Раиса Тихоновна права, утверждая, что у Далвиды был расчет, когда она выходила замуж за ее брата. Но расчет совершить убийство с целью завладения наследством слишком невероятен для обычного человека. Решиться на подобное может не каждый. Это как некий рубеж Рубикона, перейдя который ты понимаешь, что обратной дороги не будет и ничего изменить уже невозможно. А самое главное – зачем? Зачем убивать своего мужа, благодаря которому ты едешь в хорошей машине, отдыхаешь на дорогих курортах, твой сын ходит в престижную школу и ты становишься уважаемой и состоятельной женой без пяти минут академика. Она, наоборот, должна заботиться, чтобы он жил долго.

– Тогда она не могла быть убийцей, и не следовало вообще браться за это расследование, – сказал Вейдеманис, наливая чай своему напарнику и себе кофе с молоком.

– Я уже дал согласие, – напомнил Дронго, – теперь нужно переговорить сначала с его секретарем, а затем с исполняющим обязанности директора института. Посмотрим, что у нас получится. Возможно, само расследование завершится быстро, в течение одного-двух дней, и мы с полным основанием будем утверждать, что это была естественная смерть от инфаркта.

Вейдеманис, соглашаясь, кивнул. Оба даже не подозревали, что начинают расследование, где загадочная череда убийств и смертей станет поводом к разгадке тайны, за которой будет скрываться истинный убийца.

Глава 3

Институт находился на Волгоградском проспекте, и уже к десяти часам утра Дронго и Вейдеманис подъехали к зданию, чтобы заказать пропуск. Оказалось, что без предварительной заявки пропуск им не выпишут. Пришлось звонить Офелии, чей телефон любезно предоставила Раиса Тихонова.

– Я вас слушаю, – ответила секретарь. Голос был приятный, грудной, без акцента.

– С вами говорит эксперт Дронго, – представился он, – вчера вечером Раиса Тихонова должна была предупредить вас о нашем возможном визите.

– Да, она мне звонила, – подтвердила Офелия, – но я думала, что мы встретимся где-нибудь в другом месте. Не в нашем институте.

– А мне казалось, что будет лучше, если мы поговорим с вами именно на вашем рабочем месте, – подчеркнул Дронго.

– Это невозможно, – неожиданно ответила Офелия, – наш новый директор не разрешает никому выдавать пропусков без его личного согласия. Или согласия заместителя директора. У нас сейчас новые правила. Никто не может выписать пропуск, не согласовав его с руководством.

– Разве вы оборонный институт или особо секретный? – спросил Дронго.

– Нет, конечно. Но сейчас новые порядки.

– Их ввел Ростом Нугзарович?

– Да. На следующий день после похорон.

– Почему? Он чего-то боится?

– Не знаю. Раньше так не было. Любой сотрудник института мог выписать пропуск. А сейчас нельзя. Может, я выйду к вам в перерыве? – предложила Офелия.

– Мы хотели войти в ваше здание, – напомнил Дронго, – и переговорить не только с вами.

– Не знаю. Если разрешит Ростом Нугзарович. Я могу соединить вас с ним, если вы перезвоните по городскому.

– Хорошо, – согласился Дронго. – Дайте мне номер вашего городского телефона.

Секретарь продиктовала номер, и он перезвонил.

– Сейчас соединяю, – ответила Офелия. Он услышал, как она говорит по селектору исполняющему обязанности директора:

– Вам звонит эксперт господин Дронго. Он хочет с вами переговорить.

– Какой эксперт? – недовольно спросил Ростом Нугзарович. – Я не знаю никакого эксперта Дронго.

– Дронго, – поправила его секретарь.

– Не знаю никакого Дронго, – повторил Окрошидзе.

– Он просит соединить его с вами, – терпеливо объяснила Офелия.

– Хорошо. Я возьму трубку. Соедините.

Дронго услышал голос директора. Он говорил с характерным грузинским акцентом.

– Слушаю вас.

– Говорит эксперт Дронго. Извините, что беспокою вас, Ростом Нугзарович, но нам нужно срочно увидеться.

– По какому вопросу?

– К нам обратилась сестра вашего бывшего директора Николая Тихоновича, которая утверждает, что смерть ее брата вызвала у нее определенные вопросы.

– Она сошла с ума! – недовольно произнес Ростом Нугзарович. – Я знаю, о чем вы говорите. Раиса Тихоновна считает, что ее брата убили. Я понимаю, что она потрясена смертью близкого человека, но так тоже нельзя себя вести. Она экзальтированная дама, которая начиталась детективов. У нас не колония и не бандитская малина, а серьезный институт, где работает больше двухсот человек. У нас четырнадцать кандидатов наук и три доктора. И среди них нет убийц или отравителей, как ей кажется. Уверяю вас, что любой человек в нашем институте как минимум рассмеется, услышав такое предположение. Или решит, что сказавший подобную чепуху не совсем нормальный человек. Она пыталась говорить со мной на эту тему, но я сразу ей объяснил, что это малопродуктивное и бесполезное занятие. Но она не успокоилась и решила найти эксперта. Вы, наверно, частный детектив?

– Да, – сдержанно ответил Дронго.

– Тем более. Хочу вам сразу сказать, что я не разрешу будоражить коллектив и проводить здесь частные расследования. Для этого есть прокуратура, полиция, следователи. Извините, но я считаю, что Раиса Тихоновна просто не знает, о чем говорит. Тем более что супруга покойного тоже против подобных расследований.

– Но мы хотели переговорить...

– Я все сказал, – прервал его Ростом Нугзарович, – пока я здесь директор, вы сюда не войдете и никаких расследований проводить не будете. Извините, мне нужно ехать на совещание. До свидания.

Он положил трубку. Дронго невесело взглянул на Эдгара.

– Вот так начинается наше расследование, – сказал он, – Окрошидзе не хочет нас пускать в институт и считает, что Раиса Тихоновна напрасно попросила нас о дополнительном расследовании.

– Я думаю, что его можно понять, – вздохнул Вейдеманис, – он прав. Здесь научный институт, а не поселение для уголовной шпаны.

– Он сказал мне примерно то же самое, – ответил Дронго, – и судя по всему, нас в институт просто не пустят.

– И ты отступишь?

– Я часто отступал в своей жизни?

Эдгар улыбнулся.

– Не отступал, – согласился он, – но директор не хочет тебя пускать. Что ты будешь делать?

– Подожду минут двадцать, – пояснил Дронго, – он сказал, что сейчас уедет. А его секретарь еще до этого сообщила мне, что разрешение на вход в здание института могут выписывать исполняющий обязанности директора сам Окрошидзе и его заместитель. Вчера Раиса Тихоновна похвалила второго заместителя, который был помощником ее брата. Кажется, Вилен Захарович Балакин. Вот ему я и позвоню через двадцать минут.

– А если он тоже откажет? Не захочет ссориться с новым директором? Что будем делать?

– Пойдем на штурм, – улыбнулся Дронго. – Что-нибудь придумаем и в этом случае. Мне нужно войти в институт и увидеть кабинет, где так скорострительно скончался Николай Тихонович. Будем надеяться, что Балакин окажется более терпеливым к странностям сестры его бывшего покровителя.

Через двадцать минут он снова перезвонил Офелии.

– Ваш шеф уехал? – уточнил Дронго.

– Уехал, – шепотом сообщила Офелия, – ему очень не понравилось, что вы позвонили. Просил больше с вами не соединять.

– Понятно. А с Виленом Захаровичем можете соединить?

– Конечно, могу. Он сейчас на месте. Только не говорите, что вы разговаривали с Окрошидзе, иначе он ему перезвонит и не даст вам разрешения, – также шепотом произнесла Офелия.

И почти сразу Дронго услышал голос Балакина.

– Извините, что я вас беспокою, Вилен Захарович, – начал Дронго. – Дело в том, что я частный эксперт и провожу расследование по просьбе сестры вашего бывшего директора Раисы Тихоновны Долгоносовой, которую вы наверняка знаете.

– Знаю и очень уважаю, – ответил Балакин.

– Именно поэтому я хотел бы войти к вам в институт и переговорить с некоторыми сотрудниками. Если вы, конечно, разрешите мне вместе с напарником войти в ваш институт.

– Я все понимаю, – сказал Балакин, – Раиса Тихоновна считает, что ее мужа отравили или убили.

– А вы так не считаете?

– Я не знаю. Но он действительно умер неожиданно. И эта внезапная и непонятная смерть вызывает много вопросов. В том числе и у сотрудников нашего института. Будет правильно, если вы проведете свое расследование. Возможно, именно так нам удастся успокоить людей.

– Спасибо. Постараюсь. Когда я могу к вам войти?

– Где вы находитесь?

– Напротив вашего института.

– Тогда прямо сейчас. Я выпишу вам пропуск.

– Спасибо. Нас двое. Сейчас я продиктую вам наши фамилии и паспортные данные.

Дронго продиктовал обе фамилии, закончил разговор и негромко сообщил Эдгару:

– Балакин выпишет нам пропуска. Теперь мы можем войти в институт. Легче было попасть на какое-то оборонное предприятие, – проворчал он.

Они подошли к входу. Здесь стоял охранник, и чуть в стороне сидела пожилая женщина за деревянной стойкой. Дронго приблизился к мужчине.

– Нам должны были выписать пропуск, – сказал он.

– Вы в институт или в компанию? – спросил охранник.

– Простите, я не совсем понимаю, – удивился Дронго, – в какую компанию?

– А куда вы пришли? – в свою очередь, не понял охранник. – Если вы хотите пройти в институт, то пропуска вам выпишут там, – он показал на пожилую женщину, – а если хотите пройти в компанию, то мне должны позвонить и предупредить о вашем визите.

– У вас арендуют помещения? – догадался Дронго.

– Да, – кивнул охранник, – в левом основном здании находится сам институт. А правое здание и подсобные помещения сданы в аренду компании «Феникс». У них есть свой вход через двор или можно пройти отсюда по коридору. Если вам в институт, то подойдите и выпишите пропуска.

Дронго приблизился к пожилой вахтерше и назвал фамилии. Она, ничего не спрашивая, выписала пропуска и протянула их гостям. Охранник внимательно прочитал оба пропуска, сверил с паспортами, удовлетворенно кивнул и пропустил их внутрь.

– Как подняться к господину Балакину? – спросил Дронго.

– Четвертый этаж, – ответил охранник.

Кабина лифта была старая и явно нуждалась в обновлении. Они поднялись на четвертый этаж и направились по коридору. У таблички с фамилией Балакина остановились. Вошли в приемную. Там сидела женщина лет пятидесяти, работавшая на компьютере. Увидев вошедших, она подняла голову.

– Что вам нужно?

– Здравствуйте. Мы к Вилену Захаровичу, – сообщил Дронго.

– Проходите, – разрешила женщина, продолжая работать.

Они вошли в небольшой скромный кабинет заместителя директора. Навстречу поднялся молодой мужчина лет тридцати пяти. Лысоватый, в очках, узкое лицо, выступающие скулы, светлые глаза. Он протянул руку вошедшим.

– Балакин, – назвал он свою фамилию.

– Меня обычно называют Дронго, – представился эксперт, – а это мой напарник господин Эдгар Вейдеманис.

– Очень приятно. Садитесь, господа, – предложил Балакин.

Они уселись за стол.

– Вы уже знаете, зачем мы сюда пришли, – начал Дронго, – Раиса Тихоновна пришла к нам и попросила помощи. Она считает, смерть ее брата была не случайной и он не мог

умереть от обычного инфаркта. Вы давно его знали?

– Много лет. Я пришел сюда сразу после института, – ответил Балакин.

– Вы были его помощником?

– Да. И смею считать, что знал его довольно хорошо.

– Он когда-нибудь жаловался на сердце?

– Что вы, – улыбнулся Балакин, – у него было превосходное здоровье. Спортсмен, альпинист. В молодости занимался легкой атлетикой. Даже пятиборьем. И не выглядел на свои годы. У нас была разница почти в двадцать лет, но я казался чуть ли не старше его. Очевидно, я слишком быстро начал терять свои волосы.

– Ничего, – успокоил собеседника Дронго, – у лысой головы есть хорошее свойство. В молодости выглядите старше своих лет, зато в старости гораздо моложе. Не видна седина.

Все трое рассмеялись.

– Наверно, вы правы, – согласился Балакин.

– И вы тоже считаете смерть Николая Тихоновича подозрительной?

– Я бы не сказал, что она подозрительная. Скорее странная.

– Раиса Тихоновна вспомнила, что он говорил ей о каких-то неприятностях на работе в день своей смерти. Вы ничего не знаете?

– Какие неприятности? – развел руками Балакин. – Его все любили и уважали. Нет, она, наверно, не так его поня-

ла. У нас не могло быть никаких неприятностей в институте. Возможно, имелись неприятности личного плана и он не желал огорчать свою сестру.

– В каком смысле?

– Я бы не хотел об этом говорить. Вы ведь наверняка встречались с Раисой Тихоновной и она высказала вам некоторые претензии в адрес Далвиды Марковны.

– Боюсь, что она была не совсем объективна. Ее явно раздражала молодая супруга брата.

– Возможно, она была субъективна, – согласился Балакин, – но мы все считали, что он совершил непродуманный поступок, когда позволил себе так увлечься молодой женщиной.

– Почему?

– Есть несколько причин. Первая – это разница в возрасте. Скорее даже не в возрасте, а в мировоззрении. Все-таки двадцать лет. По национальности она литовка, и у нее иной менталитет. Как она сама считала, более продвинутый и западный.

– А другие причины?

– Ее супруг, – пояснил Балакин, – вы понимаете, насколько это было не совсем удобно и непривычно. Ведь он по-прежнему работает в нашем институте, и все знали о том, что супруга Калестинаса Моркунаса ушла от него к директору института. Согласитесь, что это вызывало определенные кривотолки и пересуды. Не всегда приятного свойства. Ка-

лестинас должен был защищать докторскую еще два года назад. Но пока отложил свою защиту, и, возможно, именно в силу этих причин. Ведь его научным руководителем был сам Николай Тихонович, и именно поэтому они так часто встречались с семьей Моркунаса.

Дронго взглянул на Эдгара. Тот с мрачным видом кивнул. Конечно, ситуация была более чем странная. Молодая женщина уходила от мужа к его научному руководителю. И понятно, что муж уже не мог или не хотел защищать диссертацию. Дронго понял все, что не сказал ему его напарник. Снова обращаясь к Балакину, он спросил:

– Как вы считаете, подозрения Раисы Тихоновны обоснованны? Я имею в виду против Далвиды Марковны?

– Вы ставите меня в неловкое положение, – признался Балакин, – меньше всего мне хочется подозревать вдову Николая Тихоновича. Мне не хотелось бы об этом говорить. Но у них в последнее время были разногласия. Я ведь часто приезжал к ним на дачу, где они обычно оставались. В последние месяцы молодая женщина часто уезжала за границу, оставалась в городском доме с сыном, тогда как сам Николай Тихонович жил один за городом. Мне это казалось неправильным, ведь у него была молодая, красивая супруга. Но я предпочитал бы не комментировать их отношения.

– Значит, они не жили вместе?

– Я так не сказал. Просто я обратил внимание, что он часто оставался на даче один. Конечно, не совсем один. Там

были пожилые кухарка и сторож. Они семейная пара, которая уже давно там живет и присматривает за дачей в отсутствие хозяев. Но эта ситуация мне тоже казалось странной.

– Вы хотите сказать, что Далвида Марковна не всегда приезжала к мужу на дачу, предпочитая оставаться в городе? – уточнил удивленный таким обстоятельством Вейдеманис.

– Да. Именно так. Не всегда.

На этот раз Эдгар выразительно взглянул на Дронго.

– Скажите, Вилен Захарович, у вашего бывшего директора могли быть личные враги в институте? – спросил Дронго. – Если, конечно, не считать его сложных отношений с бывшим мужем его второй супруги.

– Не знаю. Не думаю, – ответил Балакин.

– А какие у него были отношения с его секретарем? С госпожой Никагосян?

– Нормальные. Отношения шефа с секретарем. Офелия – женщина эффектная, легко возбудимая, иногда излишне эмоциональная, но компетентный и исполнительный сотрудник.

– Она работала с Николаем Тихоновичем только полтора года?

– Вы и это знаете. Да, именно столько. Перешла к нам из смежного института, где числилась лаборанткой. Она неплохо знает английский язык, и Николай Тихонович решил, что Офелия будет ему полезна в качестве личного секретаря. Он и пригласил ее на работу. Хотя быстро выяснилось, что ан-

глийским она владеет очень слабо.

– А прежний секретарь? Кто работал до госпожи Никагосян?

– Людмила Дичарова. Она уволилась полтора года назад. Вот она в совершенстве знала английский язык. И была очень компетентным сотрудником. Но подала заявление по собственному желанию.

– Как раз перед приходом нового секретаря?

– Да, – не очень решительно подтвердил Балакин, – но об этом тоже лучше не говорить. Во всяком случае, в стенах нашего института.

– Почему?

– Муж Дичаровой не разрешил ей оставаться работать в институте. Знаете, у нас ненормированный рабочий день. Иногда Николай Тихонович задерживался, и естественно, задерживалась и его секретарь. Несколько раз нам приходилось довольно поздно отвозить ее домой. Ее супругу это не нравилось. Он устраивал ей сцены ревности, о которых знал весь институт. Дело закончилось тем, что она была вынуждена уволиться. И тогда Долгоносов нашел нового секретаря.

– То есть Дичарова уволилась не из-за прихода новой сотрудницы?

– Конечно, нет. Она вполне устраивала своего шефа. Но ее мужу не нравилась эта работа, и она подала заявление. Тогда Николай Тихонович сам нашел себе нового секретаря.

– Мы могли бы поговорить с госпожой Никагосян?

– Конечно. Она сидит в приемной директора. Сейчас там исполняющий обязанности директора Ростом Нугзарович. Но его нет в институте, он уехал на совещание. Как раз удобный момент, чтобы вы могли переговорить с Офелией.

– Какие у нее были отношения с Далвидой Марковной?

– Какие могут быть отношения между двумя молодыми женщинами, каждая из которых много времени проводит рядом с мужчиной? – улыбнулся Балакин. – Конечно, натянутые. Они примерно одного возраста. Далвида Марковна не замечала Офелию, считая ее... обычной работницей своего мужа. А Офелия, в свою очередь, нервничала, замечая подобное отношение. Но внешне это никак не проявлялось.

– Я могу задать вам несколько личных вопросов, касающихся вашего бывшего шефа? – неожиданно спросил Дронго.

– Смотря какие, – насторожился Балакин. – Не забывайте, что он умер, а о покойных говорят либо хорошо, либо никак.

– Это зависит от точки зрения, – пояснил Дронго. – Как вы считаете, он был увлекающимся человеком?

– Вы имеете в виду отношение к женскому полу?

– В первую очередь.

– Думаю, что да. Он развелся более десяти лет назад. Жил один. Мог позволить себе встречаться с кем угодно. Почти академик, директор института, состоятельный человек, доктор наук. Умел красиво говорить, хорошо одевался. Женщинам он очень нравился. И ему нравились женщины. Он был

сибаритом.

– И с Далвидой Марковной он встречался еще до того, как они узаконили свои отношения?

– Конечно. Или вы думаете, что они сначала поженились, а потом начали встречаться? – снова улыбнулся Балакин. – Только не спрашивайте меня, как относился к этому ее супруг. Наверняка ему не нравилась вся эта история.

– А с Офелией у Долгоносова ничего не было? Никаких личных отношений?

– Я не буду отвечать на этот вопрос. О покойниках либо...

– Вы уже это сказали. Значит, отношения были, если о них нельзя говорить.

– Никаких комментариев, – с непроницаемым лицом проговорил Балакин и неожиданно добавил: – Это тоже не самое страшное в жизни нормального мужчины.

– Согласен. Судя по всему, ваш бывший директор института был человеком любвеобильным.

– И никогда не скрывал этого, – согласился Балакин. – Я помню одну известную актрису, с которой он встречался несколько месяцев. Я же говорил, что он пользовался большой популярностью у женщин. И отвечал им взаимностью.

– Значит, у мужа Дичаровой были все основания требовать ухода своей супруги с этой работы? – вмешался Вейдеманис.

– Опять без комментариев, – развел руками Балакин, – давайте закончим эту щекотливую тему. Вы должны меня по-

нимать.

– У вас есть координаты Дичаровой? – уточнил Дронго.

– У меня их, конечно, нет. Но в отделе кадров можно поискать, там наверняка остались номер телефона и ее домашний адрес.

– Вы можете попросить дать нам нужную информацию?

– Да, конечно, – Балакин поднял трубку и набрал номер. – Павел Степанович, найдите срочно все данные на Дичарову, – попросил он.

Очевидно, начальник отдела кадров что-то возразил.

– Мне известно, что она давно уволилась, – поморщился Балакин, – но у вас должны были остаться номера ее телефонов и домашний адрес. Я ведь знаю, как работают бывшие сотрудники милиции. Хотя сейчас ваше ведомство называется полицией. Да, я вас прошу.

Он положил трубку и покачал головой:

– Это Кошкин, наш начальник отдела кадров, бывший майор милиции. Работал руководителем спецкомендатуры, уволен из органов восемь лет назад, когда двое его подопечных были найдены убитыми за пятьдесят километров от места их обитания. Такой черствый сухарь, трудно даже представить. – Балакин улыбнулся, а потом спросил: – Вы пройдете в приемную? Я зайду в отдел кадров и принесу вам бумагу. Отсюда по коридору до конца. Там наша приемная.

– Спасибо, – поднялся Дронго, – вы нам очень помогли.

– Не за что, – поднялся следом Балакин, – я обязан этому

человеку своей карьерой и всегда буду вспоминать о нем с теплотой. И еще одна просьба. Не нужно говорить Офелии, что именно я разрешил вам сюда войти. Если спросит, вы можете сказать, что прошли через другой вход. Там работает компания «Феникс», и ее гости иногда случайно заходят к нам, минуя нашу охрану. Я бы не хотел начинать конфликтовать с Ростомом Нугзаровичем сразу после того, как его назначили исполняющим обязанности директора института.

– Договорились, – согласился Дронго, – можете не беспокоиться.

Глава 4

В приемной директора сидела молодая женщина с ярко накрашенными губами, подведенными глазами, большой грудью, запоминающимися формами и роскошными черными волосами. При появлении двух высоких незнакомцев она удивленно подняла брови и, мягко улыбнувшись, уточнила:

– Это вы господа эксперты? Значит, вам все-таки удалось сюда пройти?

– Воспользовались специальными парашютами, – пошутил Дронго. – Здравствуйте, Офелия.

Она поднялась со стула. Волна парфюма ударила в нос. Женщина протянула руку, и они по очереди пожали ее. Собственно, уже после этого можно было уходить. Эта красивая женщина меньше всего была похожа на исполнительного секретаря, которую берут для тяжелой работы. Скорее в качестве красивого антуража или для ублажения собственной плоти, подумали одновременно оба напарника.

– Садитесь, господа, – пригласила Офелия, показывая на диваны, стоящие в приемной, – я только не знаю имени вашего напарника.

Есть женщины, которые умеют говорить с таким придыханием, что любой мужчина-собеседник в их присутствии чувствует себя почти победителем, мужское эго которого возрастает с каждым ее словом. Она словно подчеркивает пре-

восходство мужчины и готовность подчиниться его прихотям.

– Эдгар Вейдеманис, – представил напарника Дронго.

– Очень приятно.

– Прежде всего простите, что мы беспокоим вас на работе, – начал Дронго, – мы хотели уточнить некоторые детали, связанные с неожиданной смертью вашего бывшего директора.

– Понимаю, – сделала грустные глаза Офелия. – Меня уже спрашивала об этом Раиса Тихоновна. Она очень переживает из-за смерти брата. Мы все очень переживаем, – вздохнула она.

– У вас были хорошие отношения?

– Замечательные. Он был настоящим мужчиной, – снова вздохнула она, – во всех смыслах этого слова.

– Вы перешли сюда из другого института?

– Да. Николай Тихонович сам меня пригласил.

– Вы были знакомы с вашей предшественницей? С госпожой Дичаровой.

– Нет. Она ушла до того, как я сюда пришла. Пришлось учиться на ходу. Сначала было сложно. Потом приспособилась.

– Вы были здесь в тот день, когда скорпостижно скончался Николай Тихонович, – напомнил Дронго, – вы можете вспомнить, кто именно к нему заходил?

– Последней к нему заходила его жена, – сразу поменяла

тон Офелия. – Я говорила об этом Раисе Тихоновне.

– И ему сразу стало плохо?

– Нет, не сразу. Через несколько минут. Он позвонил и попросил принести валидол. Я так удивилась. Перезвонила в отдел кадров, там у нас начальник отдела с больным сердцем, попросила принести валидол. Когда я вошла в кабинет, Николай Тихонович уже лежал на полу. Я так перепугалась, бросилась к нему, попыталась ему помочь. Но он был уже без сознания. Я сразу вызвала «Скорую помощь», позвала Ростова Нугзаровича. Он сидел у Николая Тихоновича почти больше часа. Он и прибежал, чтобы помочь. Даже пытался сделать искусственное дыхание. Но уже ничего не помогало.

Она поправила прическу.

– Вы можете показать его кабинет? – неожиданно попросил Дронго.

– Конечно. Только вы ничего не трогайте. Это сейчас кабинет Ростова Нугзаровича. Он будет очень недоволен, если узнает, что я разговаривала с вами без его разрешения. И тем более, если узнает, что я пустила вас сюда, пока его не было.

– Он не узнает, – успокоил Офелию Дронго, – если вы сами не скажете, то мы обещаем ничего не говорить.

– Идемте. – Она поднялась и прошла в кабинет директора.

Оба напарника двинулись следом за ней. Кабинет был большой, метров на семьдесят. Просторный, залитый светом из трех больших окон. Тяжелый массивный стол, кожаное кресло. Длинный стол для заседаний, рассчитанный на во-

семнадцать человек. В углу мягкие кресла и столик. Одну стену занимали шкафы с книгами. За спиной директора тоже находились шкафы с книгами.

– У него была комната отдыха? – спросил Дронго.

– Нет, – ответила Офелия, – никогда не было. И у работавшего здесь много лет Льва Абрамовича Старжинского тоже не имелась.

– Он лежал на полу? – спросил Дронго, осматриваясь в кабинете.

– Да. Рядом со столом, – показала Офелия, – и еще у него был ослаблен узел галстука. Видимо, он почувствовал себя плохо. Но уже не сумел позвать меня на помощь.

– Он лежал за столом или перед столом?

– Справа от стола, – вспомнила Офелия, – в той стороне.

– Из какого стакана он обычно пил?

– У него были свои чашки с блюдцем. Подарок немцев.

Из саксонского фарфора.

– Это были его личные чашки?

– Их было две. Из них никто, кроме него, не пил, – уверенно произнесла Офелия.

– И где она стояла?

– Не помню. Наверно, на столе. Но ее потом проверяли следователи. Она была чистой, так нам сказали. А вторая разбилась непонятным образом. Долгоносов лежал на полу. Я бросилась к нему, но он был без сознания. И воротник рубашки был какой-то мокрый. Наверно, сползла слюна. Мне

стало страшно и противно. Я сразу закричала, выбежала из кабинета, начала всех звать.

– Вы тоже считаете, что его отравили?

– Не знаю. Но он был сильным и здоровым мужчиной. И никогда не жаловался на сердце. Поэтому я тоже подумала, что его могли отравить.

– Каким образом? Кто носил ему кофе?

– Я сама готовила ему кофе.

– Значит, вы можете быть среди главных подозреваемых, – улыбнулся Дронго.

– Зачем мне было его убивать? – спросила Офелия. – Что я от этого получила? Ростом Нугзарович уже сказал, что переведет меня куда-нибудь в лабораторию, а сюда возьмет своего личного секретаря. Его не устраивает моя персона. Получается, что я полная дура. Нарочно отравила своего шефа, чтобы меня отсюда прогнали.

– Я так не сказал.

– Но, наверно, подумали. Я плакала, когда он умер. У меня было такое ощущение, что все закончилось. Я тогда это сразу почувствовала.

– Он куда-нибудь выходил в тот день из своего кабинета?

– Выходил. Днем ездил куда-то обедать.

– На служебной машине?

– Да. Со своим водителем. Трофимом. Но быстро вернулся. Я видела, как он нервничал, видимо, что-то случилось. Но он мне ничего не говорил. Потом целый час совещался с

Ростомом Нугзаровичем. А когда тот ушел, Николай Тихонович попросил меня вызвать нашего юриста, который работает у нас по договору. Я позвонила в их юридическую консультацию, но оказалось, что он выступает на процессе, и его помощник обещал нам перезвонить после шести вечера. Но когда он перезвонил, было уже поздно.

– Вы не знаете, по какому вопросу Николай Тихонович искал юриста?

– Нет, не знаю. Он мне ничего не говорил.

– Кто-нибудь еще заходил к Николаю Тихоновичу, кроме его заместителя?

– Днем заходили несколько человек. Начальник отдела кадров Кошкин, Вилен Захарович, профессор Соколовский и Моркунас...

– Бывший муж супруги Николая Тихоновича? – быстро уточнил Дронго.

– Да. Но они заходили вместе с профессором Соколовским.

– Следователи у вас были?

– Нет. Никого не было. Я знаю, что Раиса Тихоновна пыталась жаловаться, но в прокуратуре ей отказали. Есть справки из «Скорой помощи». И еще они говорят, что сейчас ничего нельзя проверить. Далвида Марковна кремировала тело своего мужа. Я никогда не слышала от него, что ему так хотелось. Но она уверяла всех, что это была его личная просьба.

– Понятно. – Дронго еще раз оглядел кабинет. – Здесь уже

проводили уборку?

– Конечно. И некоторые вещи переставили. Вот эти кресла Ростом Нугзарович принес из своего кабинета. И этот торшер. А здесь поменял книги. Но не все. Вон те книги остались еще со времен Льва Абрамовича. И со стола многие вещи собрали. Отправили к Далвиде Марковне, – произнесла она, не скрывая своего презрения.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго, – мы можем покинуть кабинет. Скажите, вы ее не очень любите?

– А почему я должна ее любить? – даже удивилась Офелия. – Молодая стерва, которая умудрилась променять своего неудачника мужа на богатого директора. Нагло и у всех на глазах изменяла своему мужу с его руководителем, а потом просто переехала жить к Николаю Тихоновичу. Конечно, он был холостой мужчина, и достаточно было ему два раза улыбнуться, чтобы он растаял. Что она и сделала.

– Она бывала здесь после смерти своего мужа?

– Нет. Я ее здесь потом не видела. А раньше часто приезжала. И без пропусков. Нарочно появлялась неожиданно, следила за нами. Наверно, ревновала своего мужа ко мне, – не без гордости заявила Офелия. – Ей казалось, что все остальные женщины претендуют на ее второго мужа.

– А вы считаете, что никто не претендовал?

– Конечно, претендовали, – пожала плечами Офелия. – Почему Далвиде можно, а остальным нельзя? Она ушла от своего мужа и захватила другого. И каждая разумная жен-

щина считала, что имеет право отбить у этой стервы такого обеспеченного мужчину, как Николай Тихонович.

– Тогда ей можно было посочувствовать, – пошутил Дронго, – она должна была все время бдительно охранять свое «сокровище».

– Что она и делала, – сразу сказала Офелия, – и не нужно ей сочувствовать. Она и так стала очень богатой женщиной, заграбастала все, что было у Долгоносова, – его квартиру, дачу, машины, деньги. В общем, не нужно ее жалеть.

– А зачем Моркунас и профессор Соколовский приходили к Долгоносову? – спросил Вейдеманис.

– Не знаю. Мне не докладывали. Об этом лучше спросить у них самих.

– Если я задам вам личный вопрос, вы не обидитесь? – поинтересовался Дронго.

– Я знаю, какой вопрос вы хотите задать, – усмехнулась Офелия, усаживаясь на свое место. – Я ведь не дура, понимаю, что вы хотите узнать: были ли у нас близкие отношения и почему Далвида Марковна так неистово нас все время проверяла?

– И вы можете ответить на этот вопрос?

– Могу, – с явным вызовом сказала молодая женщина.

– Тогда я вас слушаю.

– Да, – ответила она, глядя прямо в глаза Дронго. – Не вижу смысла скрывать. Ему от этого хуже не будет. А Далвида уже все равно получила все, что можно было получить. Вы-

жала из него все до последней копейки. Поэтому и я не хочу скрывать. Да, у нас были очень близкие и тесные отношения.

– Вы бывали у него дома?

– Нет. Этого никогда не было. И на дачу я тоже не ездила. Николай Тихонович был настоящим джентльменом. Он не позволял себе подобных встреч. Если он хотел со мной встретиться, то заказывал номер в хорошем отеле, куда я заранее приезжала, или мы встречались в квартире, которую он купил в доме напротив нашего института. Там у него была однокомнатная секция.

– И давно у вас были такие отношения?

– Давно. Я разведенная женщина, у меня нет никаких обязательств перед другими мужчинами. А он чувствовал себя свободным и независимым человеком. Хорошо понимал, что Далвида прицепилась к нему только из-за его денег. Мы не обязаны были ни перед кем отчитываться. Или вы со мной не согласны?

– Это зависит от конкретной точки зрения, – уклонился от ответа Дронго. – Значит, последней в кабинете вашего директора была его супруга?

– Да, именно она. Все могут это подтвердить, – кивнула Офелия. – Ее привез водитель, она миновала пост охраны, не оформляя пропуска, пришла к нам в приемную и без разрешения, даже не посмотрев в мою сторону, прошла к директору...

– Который был ее мужем, – напомнил Дронго.

– Ну и что? Она пришла в институт и должна была хотя бы поздороваться со мной и спросить разрешения пройти в кабинет директора. Может, он в это время принимал иностранную делегацию.

– А может, она догадывалась о ваших отношениях с ее мужем? – возразил Дронго.

– Она неглупая и понимала, что он не может измениться в один день, – зло произнесла Офелия, – и прекрасно знала, что он встречается с разными женщинами, в том числе и замужними. Она сама была замужем за другим человеком, когда встречалась с Николаем Тихоновичем. У нее не было никакого права обижаться на своего мужа.

– Но зачем ей убивать своего мужа, который сделал ее очень обеспеченной и влиятельной женщиной?

– Именно для того, чтобы сохранить богатство и влияние, – резко ответила Офелия. – Может, она понимала, что он не будет жить с ней вечно. Может, почувствовала, что супруг собирается ее бросить, променять на другую. Ведь он уже однажды развелся со своей первой женой, которая предъявляла ему слишком большие требования. А она была матерью его дочери. Он вполне мог оставить Далvidу и ее сына, чтобы уйти к другой женщине.

– Очень интересно, – вежливо сказал Дронго.

В этот момент в приемную вошел Вилен Захарович. Он держал в руках листок бумаги. Протянул его Дронго.

– Здесь адрес и номер телефона, которые вам нужны, –

пояснил он и, взглянув на раскрасневшуюся Офелию, мрачно спросил: – Вы не знаете, когда вернется Ростом Нугзарович?

– Он сказал, что к часу дня, – ответила Офелия.

– В таком случае вам нужно уходить, – решил Балакин, обращаясь к гостям, – у нас строгий пропускной режим, и вам разрешили войти сюда, чтобы побеседовать с госпожой Никагосян. Вы знаете, что новый директор института не разрешает посторонним входить в наше здание, – довольно громко произнес он.

– Мы уходим, – согласился Дронго и, обернувшись к Офелии, несколько церемонно произнес: – Большое спасибо за вашу откровенность.

Она пожала плечами, ничего не ответив.

– До свидания, – сказал Вейдеманис.

И они вышли следом за Балакиным в коридор.

– У вас есть еще вопросы? – уточнил Вилен Захарович, обращаясь к Дронго.

– Мы хотели бы переговорить с профессором Соколовским и бывшим мужем Далвиды Марковны, – сказал Дронго, – если это, конечно, возможно.

– Они работают на втором этаже, – ответил Балакин. – Можете спуститься к ним. Только учтите, что вам нужно покинуть наше здание до часа дня. Мне не нужны конфликты, даже если я готов рисковать ради памяти моего учителя. Спуститесь по лестнице и пройдите дальше по коридору.

Там они работают. Только пообещайте, что сразу покинете здание института, как только закончите ваши разговоры.

– Обязательно, – согласился Дронго.

– Пойдемте, – предложил Балакин, – я сам провожу вас.

И вообще я хотел вам сказать, что вы можете звонить ко мне в любое время суток. Если это поможет вам в расследовании обстоятельств смерти Николая Тихоновича. Я готов всегда вам помочь.

Они подошли к лестнице и стали спускаться вниз. На втором этаже Вилен Захарович первым вышел в коридор и, не оборачиваясь, двинулся дальше. Они последовали за ним.

– Что ты об этом думаешь? – негромко спросил Эдгар.

– Не очень приятно все это слушать, – также негромко признался Дронго. – Судя по всему, умерший был еще тем ловеласом.

– И поэтому его могли убить? – еще тише уточнил Вейдеманис.

– За подобные похождения редко убивают, – мрачно ответил Дронго. – И мы еще точно не знаем, от чего он умер.

Оба даже не подозревали, что уже сегодня вечером появится еще один убитый. И на этот раз убийство будет явным.

Глава 5

Балакин приблизился к лаборатории, открыл дверь и первым ступил в нее. Следом за ним прошли Дронго и Вейдеманис. Несколько девушек в белых халатах удивленно взглянули на них.

– Где Григорий Антонович? – строго спросил Балакин.

– У себя, – показала одна из сотрудниц, указывая куда-то в глубь лаборатории.

– А Моркунас?

– Вместе с ним. Они в кабинете Григория Антоновича, – ответила другая сотрудница.

Вилен Захарович уверенно двинулся дальше. Оба напарника шли за ним. У стеклянной двери, ведущей в небольшой кабинет, Балакин оглянулся и осторожно постучал.

– Войдите, – раздался голос профессора.

Все трое вошли в кабинет. Профессор Соколовский сидел за столом. Круглолицый, толстощекий, в больших роговых очках, со смешным хохолком седых волос, он строго смотрел на вошедших. Рядом сидел долговязый мужчина с коротко стриженной бородой и усами рыжего цвета. У него был длинноватый нос, живые подвижные карие глаза, непропорционально длинные руки и ноги. Это был Калестинас Моркунас. Оба ученых в белых халатах казались недовольными вторжением посторонних. Было заметно, что они обсуждали

какую-то проблему, склонившись над чертежами.

– В чем дело? – спросил Соколовский. – Я не совсем понимаю, что это за делегация?

– Извините, Григорий Антонович, – вежливо произнес Балакин, он с пиететом относился к профессору, – эти господа являются специалистами по расследованию. Они хотели переговорить с вами.

– По какому расследованию? – не понял Соколовский.

– Они расследуют смерть Николая Тихоновича, – пояснил Балакин.

Соколовский посмотрел на Моркунаса. Тот нахмурился. Следом за ним нахмурился и Соколовский.

– Так, – сказал профессор, – только этого нам не хватало. Вы с ума сошли, Балакин. Какое расследование? При чем тут наша лаборатория? Почему вы решили, что можно врываться к нам с этими господами? И какое мы имеем отношение к трагической кончине Николая Тихоновича?

– Они вам все объяснят, – мрачно сказал Балакин, показывая на Дронго.

– Простите, что мы вас беспокоим, – сказал Дронго, выходя вперед, – на самом деле пока ничего не известно. Мы только хотели уточнить некоторые детали случившегося.

– У нас уточнить? – недовольно спросил Соколовский. – Вы считаете, что мы с Калестинасом можем иметь отношение к этой трагедии?

– Не считаем. Но мы обязаны уточнить некоторые момен-

ты, – пояснил Дронго.

– Может, вы сначала представитесь? – предложил Григорий Антонович.

– Конечно. Меня обычно называют Дронго. А это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис.

– Хорошо. Наши имена и фамилии вы, очевидно, уже знаете. Итак, что вам угодно? Что именно вас интересует? – спросил профессор.

– Вы разрешите нам сесть? – улыбнулся Дронго.

– Да, конечно, извините. – Соколовский заметил, что в его кабинете есть еще только два свободных стула, и обратился к Моркунасу: – Калестинас, будьте любезны принести еще один стул.

Тот поднялся, вышел из кабинета, но почти сразу вернулся уже с другим стулом и уселся у входа.

– Вы хорошо знали Николая Тихоновича? – начал Дронго, обращаясь к профессору.

– Конечно, знал, – кивнул профессор, – мы работали вместе уже много лет. Еще когда он был доцентом в нашей лаборатории. Потом он был долгое время заместителем по науке, а после ухода Льва Абрамовича стал директором и членом-корреспондентом. Да, я могу сказать, что неплохо знал покойного.

– Его сестра утверждает, что ее брата могли убить, – сообщил Дронго.

– Глуposti, – отмахнулся Соколовский. – У нас научный

институт, и сюда не пускают никого с улицы. А Раису Тихоновну можно понять. Когда неожиданно, в расцвете сил умирает человек, это всегда подозрительно. Впрочем, здесь нет ничего удивительного. Я всегда советовал ему беречь себя. Он слишком много разбрасывался. Любил экстремальные виды спорта, ходил в горы, не берег себя. Он вполне мог надорваться, сердце просто не выдержало. Хотя он был моложе меня на десять лет. Но такое иногда случается в жизни, к большому сожалению.

Моркунас с мрачным видом молчал и покачивал ногой, закинутой на другую ногу.

– Нам сообщили, что вы входили к нему в день его смерти, – продолжал Дронго, – и вы были вдвоем. Вы и господин Моркунас. Причем сестра вашего покойного директора уверяет, что в тот день он говорил ей о неприятностях на работе.

– Эти неприятности абсолютно точно не связаны с нашим визитом, – пояснил Соколовский, – у нас была причина зайти к Николаю Тихоновичу именно вдвоем, чтобы обсудить некоторые вопросы. Хотя не скрою, он мне тоже показался несколько странным. Словно его беспокоила какая-то мысль.

– И вы не уточнили, почему он в таком состоянии?

– Нет, – ответил профессор, – нам было не до этого. Кроме того, я был не один и считал не совсем этичным задавать подобные вопросы. Надеюсь, что вы меня понимаете.

Моркунас перестал качать ногой, но внешне никак не про-

являл своего отношения к разговору.

– В таком случае вы можете сказать, по какому вопросу вы заходили к директору института?

– Разумеется, могу. – Соколовский поправил очки. – Дело в том, что наш уважаемый Калестинас Робертович уже несколько лет готовится защитить докторскую диссертацию по своей теме, которая крайне важна для работы нашего института. Но в силу различных причин, в том числе и не имеющих отношения к науке, он «заморозил» эту работу, решив отложить защиту до лучших времен, хотя его разработками уже несколько лет пользуются по всей стране. И в нашей лаборатории единодушно решили, что подобное положение дел не совсем справедливо. Именно поэтому мы отправились к Николаю Тихоновичу с просьбой разрешить господину Моркунасу защитить диссертацию под моим научным руководством.

Моркунас снова начал качать ногой. Балакин неодобрительно посмотрел на него, но ничего не сказал.

– И Николай Тихонович дал согласие? – уточнил Дронго.

– Да, конечно. Он был ученый и понимал значение работ нашего коллеги. Мы договорились, что именно я стану научным руководителем господина Моркунаса, и мы сможем выйти на защиту его докторской примерно через три или четыре месяца.

– А другие вопросы?

– Они носили чисто научный характер. О применении

разработок Калестинаса Моркунаса на практике во время строительства новых гидростанций в горных условиях. Разрешите мне опустить детали. Я думаю, они вам будут неинтересны. Конечно, если вы не специалист по гидростанциям.

– Нет, – согласился Дронго, – в этих вопросах я разбираюсь слабо.

– Ну, вот видите, – удовлетворенно произнес профессор, – сыщики необязательно должны все знать. Это только в кино они разбираются во всех вопросах человеческого бытия – научных, этических, социальных, моральных. А в жизни все иначе.

– Полагаю, что вы правы, – снова согласился Дронго, – я могу попросить вас о личной аудиенции?

– В каком смысле? – не понял профессор.

– Поговорить с вами наедине, – пояснил Дронго.

– У меня нет секретов от Калестинаса, – показал на своего молодого коллегу Соколовский, – но если вы настаиваете и этот разговор не оскорбит наших коллег, то я готов побеседовать с вами тет-а-тет.

– Благодарю вас. – Дронго обернулся к Балакину и Вейдеманису: – Простите, господа, вы можете оставить нас одних?

– Если только не долго, – произнес Вилен Захарович, поднимаясь со стула. Вейдеманис вышел следом. Моркунас качал ногой еще секунд двадцать. Затем молча поднялся и вышел, плотно закрыв дверь.

– Вы его оскорбляете, сами того не желая, – негромко про-

изнес Григорий Антонович, – я думал, вы знаете о его сложных отношениях с покойным.

– Именно поэтому я и попросил всех выйти, – пояснил Дронго, – чтобы не продолжать этот разговор в его присутствии.

– Он прекрасный человек и большой ученый, – энергично произнес Соколовский, – возможно, ему следовало выбрать в жизни другую спутницу, с которой он смог бы создать нормальную семью. Иногда в жизни такое случается. Ему просто не повезло.

– Долгоносов был его научным руководителем, и именно поэтому Моркунас так долго не защищался?

– Если вы все знаете, то почему спрашиваете? Конечно, это очень некрасивая история. Сразу после того, как Далвида ушла от мужа к Николаю Тихоновичу, Калестинас пришел ко мне с заявлением об уходе. И я должен был подписать его заявление. Но я понимал всю ответственность такого шага. Мне с огромным трудом удалось убедить его не увольняться. Его разработки очень важны для нашей промышленности, и несмотря на наших смежников, мы единственный институт такого профиля. В его родной Литве таких институтов не может быть по определению. Слишком маленькая страна. На сегодняшний день такие профильные институты есть только в Соединенных Штатах и Канаде. Понимаете, для разработки целого комплекса гидростанций нужны не только разнообразные природные условия, но и большая территория, на

которой можно размещать подобные сооружения. Для одного комплекса создавать такой институт, как наш, просто глупо. А он собирался уйти в другой институт, занятый другими проблемами.

– И вы, значит, уговорили его остаться?

– Да, уговорили. Все вместе. И нужно отдать должное Моркунасу. Он поступил как настоящий ученый, сумев перешагнуть через личные обиды. Хотя я понимаю, что это было очень непросто. Ну и Николай Тихонович был достаточно разумным человеком, чтобы понимать значение работ Моркунаса. Он всегда умел хорошо вычислять, что именно нужно для развития нашего института. Может, поэтому он и сделал такую карьеру. И оба сумели наладить отношения таким образом, чтобы их личная драма не накладывала отпечаток на их служебные отношения.

– Калестинас работает с вами давно?

– Почти восемь лет. И поэтому вся драма разворачивалась у меня на глазах.

– И его супруга решила сделать свой выбор в пользу Николая Тихоновича?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.